

СЧЕТ
НА
СООРУЖЕНИЕ
МЕМОРИАЛА
ЖЕРТВАМ
СТАЛИНИЗМА

700454

К УЧРЕДИТЕЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

ВЕДОМОСТИ МЕМОРИАЛА

ЯНВАРЬ
1989

● Суббота, 28 января ●

● Цена 50 коп. ●

В выпуске:

А. РЫБАКОВ
Л. БОГОРАЗ
М. ЛАУРИНСКИС
Я. ЭТИНГЕР
Г. БАКЛАНОВ
Л. РАЗГОН
Е. ЕВТУШЕНКО
Ю. АФАНАСЬЕВ
М. ЧУДАКОВА
М. ГЕФТЕР
Г. БЛЮХЕР
А. АНТОНОВ-ОВСЕНКО
Г. ПОМЕРАНЦ
А. САХАРОВ

Анна Ахматова

РЕКВИЕМ

Эпипог. II.

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:
И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,
И ту, что, красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».
Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.
Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.
О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,
И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит столичный народ,
Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня.
А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнут памятник мне,

Согласье на это даю торжество,
Но только с условием — не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забить громыхание черных марусь,
Забить, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.
И пусть с неподвижных и бронзовых век,
Как слезы, струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

1940. Март.

Из «Колымских рассказов» Варлама Шаламова

ДЕТСКИЕ КАРТИНКИ

Нас выгоняли на работу без списков, отсчитывая в воротах пятерки. Строили всегда по пятеркам, ибо таблицей умножения уметь было пользоваться далеко не все конвоиры. Любое арифметическое действие, если его производить на морозе и притом на живом материале, — штука серьезная. Чаша арестантского терпения может переполниться внезапно, и начальство считалось с этим.

Нынче у нас была легкая работа, блатная работа — пила дров на циркулярной пиле. Пила вращалась в станке, легонько постукивая. Мы заваливали огромное бревно на станок и медленно подвигали к пиле. Пила взвизгивала и яростно рычала — ей, как и нам, не нравилась работа на Севере, но мы двигали бревно все вперед и вперед, и вот бревно распалось на две части, неожиданно легкие отрезки.

Третий наш товарищ колол дрова тяжелым синеватым колуном на длинной желтой ручке. Толстые чурки он складывал с краев, те, что потоньше, разрубал с первого удара. Удары были слабы — товарищ наш был так же голоден, как и мы, но промерзшая лиственница колется легко. Природа на Севере не безлична, не равнодушна — она в сговоре с теми, кто послал нас сюда.

Мы кончили работу, сложили дрова и стали ждать конвоя. Конвой-то у нас был, он грелся в учреждении, для которого мы пилили дрова, но домой полагалось возвращаться в полном параде, всей партией, разбившейся в городе на малые группы.

Кончив работу, греться мы не пошли. Давно уже мы заметили

большую мусорную кучу близ забора — дело, которым нельзя пренебречь. Оба моих товарища ловко и привычно обследовали кучу, снимая заледеневшие наслоения одно за другим. Куски замороженного хлеба, смерзшийся комок котлет и рваные мужские носки были их добычей. Самым ценным были, конечно, носки, и я жалел, что не мне досталась эта находка. Носки, шарфы, перчатки, рубашки, брюки «вольные» — «штатские» — большая ценность среди людей, десятилетиями надевающих лишь казенные вещи. Носки можно было починить, залатать — вот и табак, вот и хлеб.

Удача товарищей не давала мне покоя. Я тоже отламывал ногами и руками разноцветные куски мусорной кучи, отодвинув

какую-то тряпку, похожую на человеческие кишки, я увидел — впервые за много лет — серую ученическую тетрадку.

Это была обыкновенная школьная тетрадка, детская тетрадка для рисования.

Все ее страницы были разрисованы красками, тщательно и трудолюбиво. Я перевертывал хрупкую на морозе бумагу, заискивая яркие холодные наивные листы. И я рисовал когда-то — давно это было, — примостясь у семилитровой керосиновой лампы на обеденном столе. От прикосновения волшебных кисточек оживал мертвый богатый сказки, как бы спрыснутый живой водой.

Акварельные краски, похожие на женские пуговицы, лежали в белой жестяной коробке. Иван-царевич на сером волке скакал по еловому лесу. Елки были меньше серого волка, Иван-царевич сидел на волке так, как эвентуры ездят на оленях, почти касаясь пятками мха. Дым пружинной поднимался к небу, и птички, как отчеркнутые «галочки», виднелись в синем звездном небе.

И чем сильнее я вспоминал свое детство, тем яснее понимал, что детство мое не повторится, что я не встречу и тени его в чужой ребяческой тетрадке.

Это была грозная тетрадь.

Северный город был деревянным, заборы и стены домов красились светлой охрой, и кисточка юного художника честно повторила этот цвет везде, где мальчик хотел говорить об уличных зданиях, об изделии рук человеческих.

В тетрадке было много, очень много заборов. Люди и дома почти на каждом рисунке были огорожены желтыми ровными заборами, обвитыми черными линиями колючей проволоки. Железные нитки казенного образца покрывали все заборы в детской тетрадке.

Около заборов стояли люди. Люди тетрадки не были ни крестьянами, ни рабочими, ни охотниками — это были солдаты, это были конвойные и часовые с винтовками. Дождевые будки-грибы, около которых юный ху-

(Окончание на 8-й стр.)

На первом митинге «Мемориала» 25 июня 1988 года в Москве.

Фото А. Вологодского.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВСЕСОЮЗНОГО ДОБРОВОЛЬНОГО ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

29—30 октября 1988 г. в Доме кино состоялась Подготовительная конференция Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал». На этой конференции:

— присутствовали 338 делегатов из 59 городов нашей страны, а также многочисленные гости и представители советской и зарубежной прессы;

— были представлены 57 групп, из которых численностью менее 10 человек — 13, от 10 до 20 — 14, от 20 до 50 — 16, от 50 до 100 — 1, более 100 — 13;

— более 70 ораторов выступили на пленарных заседаниях;

— проведены два семинара. На первом из них обсуждались перспективы исторических исследований в рамках «Мемориала», на втором — «семинаре городов» — организационные проблемы, специфические для нестолических групп;

— принято шесть резолюций;

— до сведения делегатов было доведено несколько проектов Устава Общества: основной, подготовленный Оргкомитетом, альтернативный, разработанный группой активистов московского «Мемориала», и несколько проектов из других городов;

— подтверждены полномочия Оргкомитета; принято решение о включении в состав Оргкомитета членов Общественного Совета «Мемориала» и пополнении Оргкомитета представителями региональных групп;

— приняты решения о сроках созыва Учредительной конференции Общества и о нормах представительства.

***

Приведенное выше формальное описание конференции и ее итогов может рассматриваться

двойко. С одной стороны, это «сухой осадок», получение которого и было целью организаторов конференции и активистов «Мемориала». С другой стороны, тот сложный, внутренне глубоко противоречивый и — при всех противоречиях — все-таки единый образ Движения, который отчасти проявился, отчасти определен в эти два дня, конечно же, не сводится к перечню резолюций и решений.

Знаменательно, что уже на пороге возвращения к исторической и культурной памяти люди заговорили в полный голос, стараясь четко определить свою позицию по острым вопросам, не боясь разногласий, не избегая споров между собой — подчас весьма резких. И все же мы пока еще только на пороге: это сказывалось и в том, что разногласия легко переходили в личные конфликты, что эмоциональный накал в зале и на трибуне далеко не всегда оправдывался интеллектуальным уровнем выступлений, что политические позиции зачастую подменялись политическими амбициями. Временами основная цель конференции — обсуждение задач и Устава Общества — отодвигалась на задний план. Отдавая должное президиуму и ведущим, сумевшим в весьма сложной, порой взрывоопасной обстановке не допустить срыва конференции, следует отметить справедливости ради, что иногда порядок наводился слишком «энергично» и что «раскачивание» ситуации вызывалось не только выступлением очередного оратора, но и неадекватной реакцией некоторых капитанов конференции.

И все-таки самый важный результат конференции «Мемори-

ала» — этот тот факт, что она состоялась и, несмотря ни на что, пришла к сравнительно благополучному завершению. Наш взгляд, это показывает, что — по крайней мере, в тот момент — понимание важности общей цели было сильнее всех центробежных тенденций.

Практически сразу после вступительного слова А. Д. Сахарова разгорелась полемика вокруг двух больших тематических комплексов. Первый из них касался идеологических и политических основ деятельности Общества. В восприятии большей части аудитории такие вопросы, как временные рамки исследований, отношение к проблемам современной общественной жизни, употребление либо неупотребление термина «сталинизм» и даже вопрос о выборе места для мемориального комплекса, окрашивались идеологически. Для этой категории участников конференции выбор того или иного ответа означал степень «радикализма» или, наоборот, «ортодоксальности» оратора и вызывал бурную эмоциональную реакцию.

Другая группа вопросов — конкретные задачи, стоящие перед «Мемориалом», осмысление опыта исследовательской работы, проблемы организационного характера, структура будущего Общества — занимала сравнительно немногих участников конференции. Тем не менее ряд делегатов энергично ставили эти вопросы и на пленарных заседаниях и, в особенности, на ознакомительных встречах-семинарах, проведенных в первый день.

Идеологическая полемика порою достигала такой остроты, что у многих, особенно немосквичей, возникли опасения за судьбу

Движения. Возможно, именно это и послужило причиной заявления, сделанного представителями Свердловска и Ленинграда:

«Мы поддерживаем Оргкомитет в его стремлении отмежеваться от нереалистических требований, могущих сыграть деструктивную и объективно провокационную роль. Региональные организации призывают к сбалансированной позиции, к предельной терпимости ко всем мнениям при выработке этой позиции».

Мы считаем, что та Учредительная конференция, которая планируется в декабре, должна состояться. Мы очень обеспокоены, что возникли некоторые мнения о том, что, может быть, ее не будет или надо, чтобы ее не было. Региональные делегации считают, что это будет огромным ударом по нашему существованию и тем самым по существованию всего нашего движения. Наше движение, поскольку оно всесоюзное, должно корнями своими уходить в массы, в региональные отделения. Это принципиально важный вопрос. Мы ненавидим сталинизм, и этим все сказано. Мы считаем, что нужен такой состав делегатов, который не позволил бы иметь большинство Москве. Такой сбалансированный состав делегатов надо выбрать на конференции, чтобы это была действительно конференция Всесоюзного общества».

Вопрос о «преобладании Москвы» стал одним из основных при обсуждении структуры предполагаемого Общества. Крайняя точка зрения по этому поводу была высказана в письме председателя белорусского «Мартиролога» З. Позняка на имя Оргкоми-

тета (это письмо было полностью зачитано В. Круковским). В. Позняк призывает к отказу от создания общесоюзного Общества. По-видимому, это связано с мнением, высказанным рядом ораторов, что федеративный принцип в проекте Устава Общества лишь декларирован, но не проведен последовательно.

Среди тем, затронутых в выступлениях (репрессии 20-х гг., коллективизация, голод начала 30-х гг., «большой террор» и др.), одна из самых больных — национальная политика сталинизма. Она была заявлена в выступлениях делегата от крымских татар Р. Адильсеитова и представителя Еврейской культурной ассоциации М. Членова. Первый говорил о геноциде в отношении малых национальностей, второй — об уничтожении национальных культур, «этноциде».

Заключительным аккордом конференции должен был стать подарок хозяев зала делегатам — просмотр документального фильма «Власть соловьячья». Однако закончилась конференция отнюдь не размышлениями об историческом прошлом: на последних кадрах поднялся представитель Белоруссии и огласил только что полученное из Минска сообщение — там варварски разогнали митинг, посвященный памяти жертв сталинизма. Немедленно была направлена телеграмма М. С. Горбачеву с просьбой о расследовании происшедшего в Минске и наказании виновных.

Участники конференции расходились с ощущением, что деятельность общества «Мемориал» не потеряла и еще не скоро потеряет современное звучание.

А. Д.
П. З.

РЕЗОЛЮЦИИ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

I

1. Создать Учредительную конференцию Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал» 17—18 декабря 1988 года в г. Москве.

2. Возложить организацию, подготовку и проведение Учредительной конференции на Оргкомитет Конференции.

3. Сформировать Оргкомитет Учредительной конференции из:

а) Общественного Совета,

б) Оргкомитета нынешней конференции (куда входят активисты движения за «Мемориал» и по одному представителю от организаций-учредителей),

в) представителей региональных групп «Мемориала».

4. Члены Оргкомитета Учредительной конференции от региональных групп наделяются необходимыми полномочиями для

работы на местах по подготовке Учредительной конференции.

5. В состав региональных организаций могут входить, кроме активистов движения за «Мемориал», представители местных организаций-учредителей.

6. Право решающего голоса имеют:

а) делегаты Учредительной конференции, избранные от групп, существующих к моменту нынешней Конференции,

б) члены Общественного совета,

в) представители объединений репрессированных,

г) представители организаций — учредителей Общества.

Делегаты от региональной группы избираются пропорционально численности группы из расчета 1 к 10.

Представительство от объеди-

нений репрессированных на местах определяется региональными объединениями на местах.

От организаций — учредителей общества делегируется не более 10 человек от каждой.

7. Право совещательного голоса имеют:

а) представители региональных групп, возникших после нынешней Конференции (по одному от группы),

б) представители организаций, заинтересованных в деятельности общества (по одному человеку),

в) члены Оргкомитета Учредительной конференции.

8. Оргкомитет Учредительной конференции формирует:

а) редакционную комиссию по подготовке проекта Устава Общества к опубликованию в цент-

ральной печати не позднее чем за месяц до Учредительной конференции,

б) мандатную комиссию.

II

1. Обратиться в Верховный Совет СССР с просьбой о создании общественно-государственной комиссии по установлению мест захоронений жертв репрессий и придания им статуса памятников истории (особое внимание обратить на Карлаг).

2. В связи с готовящимся законом об архивах просить Верховный Совет СССР рассмотреть вопросы:

а) о передаче всего комплекса документов, связанных с проведением репрессий, из ведомственных архивов в государственные, о переводе их на общий режим хранения и о свободной выдаче

этих документов исследователям; об установлении сроков давности для всех видов документов, хранящихся со всеми грифами секретности, и обнародование этих сроков.

III

Оргкомитету обратиться к организациям-учредителям с просьбой о поддержке и финансировании деятельности движения «Мемориал» на местах.

IV

Оргкомитету обратиться в средства массовой информации с предложением опубликовать:

а) разработанный опросный лист пострадавшего от репрессий;

б) материалы и резолюции прошедшей Конференции.

Москва, 30 октября 1988 г.

О кандидате

в депутаты

Выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР академика Андрея Дмитриевича Сахарова.

Москва, 29 октября 1988 г.

Сейчас, через два с половиной месяца после Подготовительной конференции, естествен вопрос: в связи с чем ряд ее рабочих резолюций остался невыполненным? Например, почему Учредительная конференция не была созвана в декабре, почему в «Литературной газете» вовремя не был опубликован проект Устава Общества? Ответы на эти, как и

на другие накопившиеся за последнее время вопросы (позиция творческих союзов — учредителей «Мемориала» по отношению к конкурсу на памятник, объявленному «Советской культурой» 27 декабря, судьба счета 700454 и т. д.), должен будет дать Оргкомитет на конференции 28—29 января.

ОРГКОМИТЕТ по созданию общества «Мемориал»

На Подготовительной конференции Оргкомитет был утвержден в следующем составе:

1) члены Общественного Совета Фонда «Мемориал» — Адамс А. М. (сопредседатель), Афанасьев Ю. Н., Бакланов Г. Я., Быков В. В., Гранин Д. А., Евтушенко Е. А. (сопредседатель), Ельцин Б. Н., Карякин Ю. Ф.

(сопредседатель), Коротич В. А., Лихачев Д. С., Медведев Р. А., Окуджава Б. Ш., Разгон Л. Э., Рыбаков А. Н., Сахаров А. Д. (почетный председатель), Ульянов М. А., Шатров М. Ф. (сопредседатель);

2) активисты движения — Аметистов Э. М., Вайсберг А. Д., Вайнштейн А. Л., Демин Г. Г.,

Жемкова Е. Б., Зенкевич П. Р., Игнатов В. В., Леонов Д. Н., Музаляев К. Р., Орлов О. П., Пономарев Л. А., Ракитская Г. Я., Рогинский А. В., Самодуров Ю. В., Старков Н. И., Токарев А. С., Этингер Я. Я.

3) представители организаций-учредителей — «Литературной газеты», журнала «Огонек», Сою-

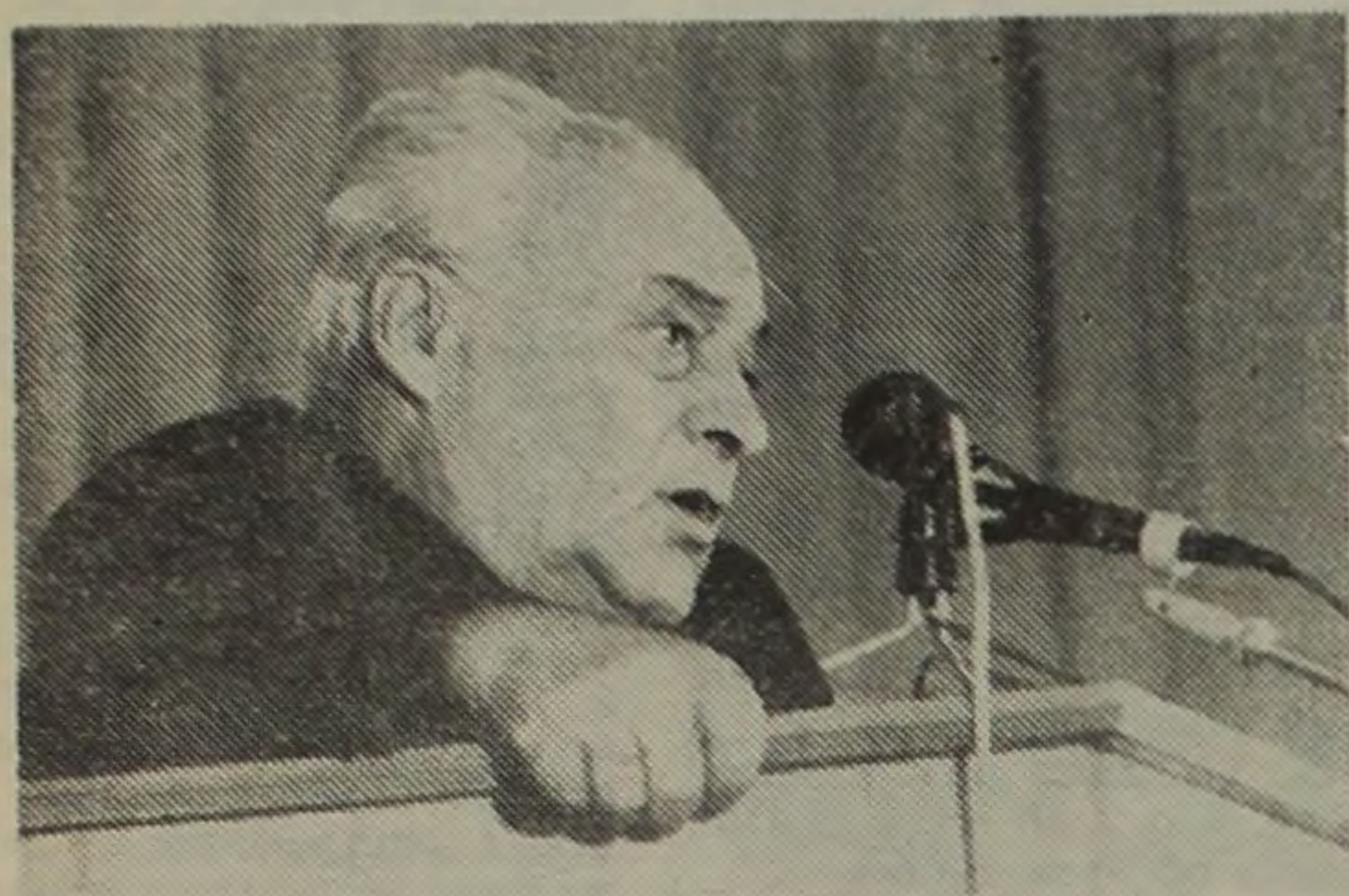
за кинематографистов СССР, Союза театралов деятелей СССР, Союза архитекторов СССР, Союза художников СССР, Союза дизайнеров СССР;

4) позднее на основании решения Подготовительной конференции в Оргкомитет были делегированы представители региональных групп: Аралина В. З.,

Баевский А. С., Берман М. И., Биргер В. С., Вобров И. А., Верин А. Р., Вохменцева Г. М., Доброхотова М. В., Колосов И. С., Кудюкин П. М., Лукьянов А. А., Марков Ю. Б., Мельник С. Г., Мещеряков В. И., Мещеряков В. Ф., Мусатов Д. И., Новиков А. С., Савинков В. В., Семенов В. М., Чернышов Ю. Л.

Председателем Оргкомитета избран ректор Историко-архивного института Ю. И. Афанасьев. Счет Оргкомитета — № 700241 в Ленинградском отделении Жилсоцбанка в Москве.

Из выступлений на конференции

А. РЫБАКОВ, писатель

Полтора года тому назад ко мне приехали два человека, молодых человека, с предложением принять участие в организации общества «Мемориал». Их выслушал, согласился, а потом спросил: «А кто у вас репрессирован?» Они ответили, что у них не репрессирован из близких никто. И в этот момент я понял, что они пришли не в силу расплаты, мести, а в силу высшего человеческого чувства — чувства поиска справедливости. И та селекция, которая производилась Сталиным в нашем обществе, уничтожавшая все нравственное, все чистое, все благородное, не удалась. Я понял, что дело, за которое мы все боремся, победит.

Конечно, сталинизм имеет свои корни в нашей истории. Сейчас я подхожу к тем вопросам, по которым велась дискуссия, я хочу вещи называть своими именами и буду прямо о них говорить. Сталинизм не возник на пустом месте. Это одно положение.

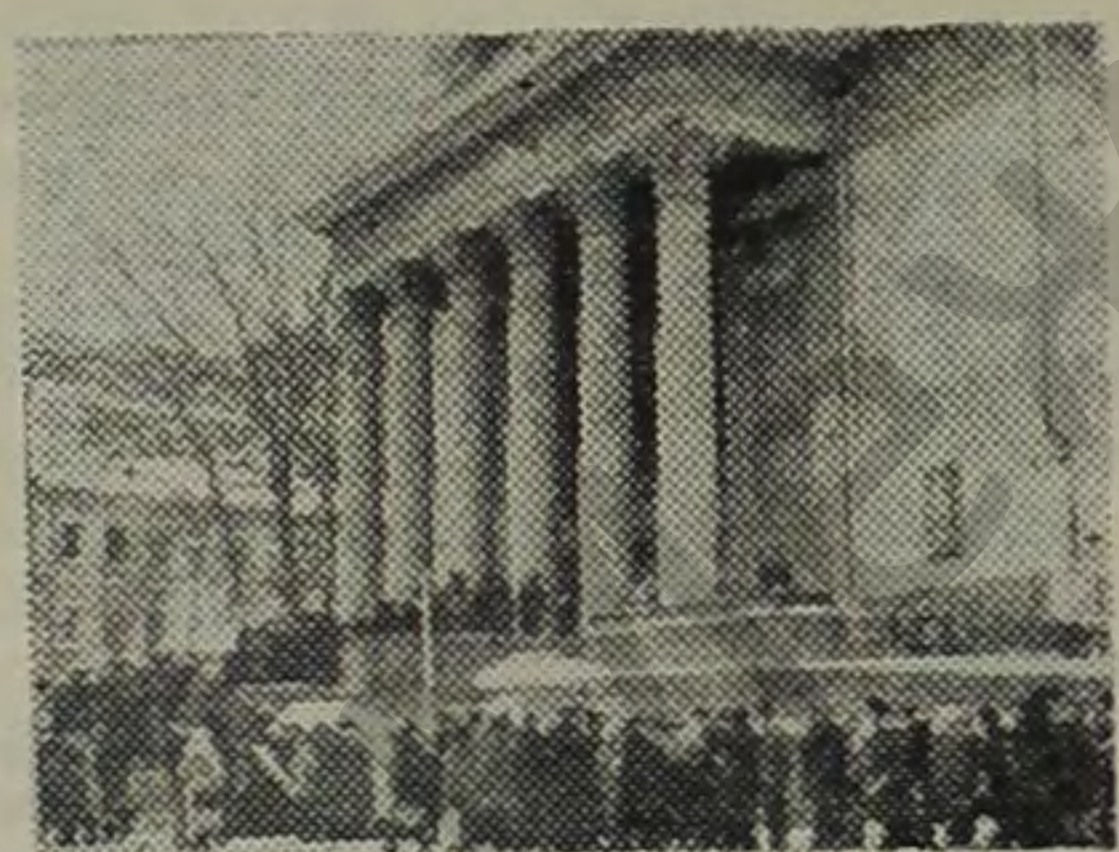
Второе положение. В числе репрессированных, безусловно, были люди, которые сами участвовали в репрессиях, в активной или в пассивной форме. Выдвигается тезис о том, что наше Общество должно быть не только обществом, которое занимается вопросами сталинских репрессий, а занимается вопросами о репрессиях вообще. (Аплодисменты).

Я не знаю, к чему относятся эти аплодисменты: к этому положению или к тому, что я против этого положения.

Безусловно, повторяю, что Ста-

лин не возник на пустом месте. Безусловно, что история нашей партии, ее строго конспиративный характер в предреволюционные годы, гражданская война (а революционные методы борьбы беспощадны) — все это причины, которые способствовали появлению Сталина. Но корни лежат не только в истории нашей революции, они лежат и в истории нашего государства Российского.

До какого же предела мы дойдем? И на чем мы остановимся? И Мемориал чего это будет? Почему только красный террор? А белый террор? А расстрелы 1905 года?

Ноябрь, 1988. Неделя совести. Семь дней не прекращался поток людей в Дворец культуры Московского электромашинного завода. Бывшие узники, родственники погибших и совсем молодые люди отмечали места сталинских лагерей на рельефной карте страны и в память безвинно погибших прикрепляли к ней цветы.

Мы говорим о тех ранах, которые нанесли нашему народу Сталин и сталинизм, потому что последствия этого живут. И пока мы не избавимся от этого наследия, мы не сумеем двигаться вперед. И если мы расплывемся по всем историческим датам нашего общества, то мы ничего позитивного не сделаем. Есть конкретное зло — 30 лет страной управлял тиран. Он насадил и организационные, и психологические, и прочие методы, от которых мы до сих пор не можем избавиться. И мы с этим должны бороться.

Второй вопрос. Где предел? Я слышал такие разговоры, и мне товарищ прислал письмо: вот Вы хотите защищать Блюхера, а ведь Блюхер участвовал в суде над Тухачевским. Вы хотите поставить памятник Тухачевскому, а он подавил антоновское восстание.

Но позвольте: а как же быть с теми крестьянами, которые жгли помещичьи усадьбы и убивали помещиков, а потом были раскулачены?

А где же были те люди, которые поднимали руки, одобряя расстрелы, одобряя до того, как еще был суд? Где мы остановимся? Поэтому я считаю неправильным требование расправы, требование мести. Я хочу, чтобы наше Общество двигалось только чувствами справедливости, правды и искупления.

Первое мое возражение — писателю Анатолию Рыбакову. Он предлагает заранее ограничить задачи «Мемориала» определенным историческим периодом. Мне странно слышать эти слова от писателя Рыбакова. А чем, собственно говоря, занимается писатель, если не пытается найти психологические и исторические корни?

Историко — просветительское общество ставит себе исследовательские задачи. Оно не должно ставить пределы свободе науч-

Л. БОГОРАЗ, филолог

ного поиска. Научное исследование не может быть предвзятым. Думаю, что попытка зафиксировать временные рамки неоправдана.

Это мое возражение не только Рыбакову, но также другим людям, которые предлагают поставить просто другие границы. Сегодня нельзя обозначить: начнем с 1927 года, или с 1918, или, может быть, с 1921 года, или еще с какого-то. А тогда почему не искать корни в нашем историческом сознании, которые привели к 1918 году, и к сталинским репрессиям, и к сегодняшнему состоянию?..

Мне очень неприятно было слушать предложение о введении почетного знака «Жертва сталинских репрессий». Ну что тут за почет? Есть ведь криминалистические исследования, которые говорят о тесной связи между жертвами и теми, кто совершает преступление. Жертва провоцирует на преступление. Мы, наш народ, оказавшийся жертвой этого преступления, мы сами и спровоцировали эти преступления тем, что было в нас, тем, что мы были не готовы этому противостоять. Поэтому сказать: эти виноваты, а эти не виноваты, невозможно. Возможно ли отделить — вот палачи, а вот жертвы? Мы сегодня не можем исходить из того, что нам уже известно: вот этот — жертва, этот — палач, этот — соучастник.

Я думаю, что сегодняшнее собрание должно противопоставить себя, по крайней мере, сепарации общества, разделению, тому, чтобы противоречия заходили в тупик и становились неразрешимыми и заканчивались каждый раз (или не заканчивались, а продолжались) переходом от идеологических противоречий к кровавым расправам. Хотелось бы, чтобы сегодняшнее собрание отказалось от этих принципов, чтобы оно не разделяло себя на праведных и неправедных.

Теперь возражения архитектору В. Глазьеву. В выступлении Глазьева я услышала попытку противопоставить организации-учредители группе инициаторов. Это была, конечно, мягкая попытка, но тем не менее. Я знаю: есть и обратная тенденция — инициаторы хотят себя противопоставить учредителям, потому что они инициаторы. В их словах звучит: бензин ваш, идеи наши. А противоположность звучит: раз бензин наш — значит, и идеи наши.

Вот этого раскола нельзя допустить. Не должны иметь преимущественных прав в организации общества, в определении его идеологии ни инициаторы, ни учредители. Наше Общество как раз и должно объединить нашу общественность, а не разделить.

М. ЛАУРИНСКИС, член комиссии по расследованию преступлений сталинизма в Литве

литовцев. Это на 2,5 миллиона — очень много. И последствия этих репрессий очень большие во всех отношениях.

В начале июня этого года Литовским движением за перестройку была создана комиссия по расследованию преступлений сталинизма в Литве. Наши цели с самого начала были очень скромны. Группа людей решила создать поименный список всех репрессированных. Для этой цели мы создали анкету, распространили ее через газету «Литовское движение за перестройку», а потом и через республиканские газеты, и эта анкета работает уже четыре месяца.

Группа людей подготавливает к изданию воспоминания.

Мы уже убедились, что историко-просветительская работа не представит нам больших проблем. Мы это сделаем, и очень скоро. Но очень большая проблема — это помочь самим репрессированным. Эта помощь очень нужна, потому что многие возвратившиеся из ссылки, из тюрьмы до сих пор живут очень плохо.

И задача комиссии и других наших инстанций — помочь этим людям устроиться, помочь с медицинским обслуживанием, с квартирами и т. д. Но как это сделать? Мы убедились, что это нельзя иначе сделать, как только через органы власти. Мы делаем сейчас это так. На съезде выбран Сейм движения за перестройку.

И в совете Сейма сейчас будут представлены интересы репрессированных.

По всей Литве уже создана сеть клубов репрессированных. Эти клубы выдвигают свои цели и ставят какие-то свои насущные проблемы. И в Сейме мы собираем требования, проблемы, которые сейчас волнуют репрессированных, и будем их представлять в высшие органы власти. Люди из Сейма участвуют в разных комиссиях Совета Министров и Верховного Совета, участвуют не только в работе над поправками к Конституции, но и в решении социальных проблем.

Мы считаем, что в скором времени сумеем решить многие проблемы. Поэтому мы и хотим, чтобы «Мемориал» занимался не мелкими вопросами, а самыми важными, самыми стратегическими.

Литовское движение за перестройку поздравляет общество «Мемориал» и считает, что это общество будет содействовать демократическому процессу, который происходит в нашей стране.

Мы — это Литовское движение за перестройку — объявили свою программу. Эта программа уже объявлена нашим съездом, который проходил недавно, и мы хотели бы только одного: чтобы наши идеи не искажались, а информация поступала людям такой, какая она есть в действительности.

Я хочу сказать, что национальные отношения — не самый главный пункт нашей программы, и если эти отношения между русскими и литовцами, между литовцами и поляками и т. д. так остро возникли, то в этом виноват сталинизм. С 1941 по 1952 год от сталинских репрессий пострадало около 300 тысяч

Я. ЭТИНГЕР, историк

Я хотел бы продолжить выступление нашего литовского товарища. Совсем недавно Совет Министров Литовской ССР отменил свои постановления о высылении кулацких элементов с территории Литвы от 19 марта 1949 года, о высылении кулаков и их семей с территории Литвы от 29 мая 1951 года. Все сосланные по этим постановлениям реабилитированы. При этом исходили из того, что окончательное решение этой проблемы с привычной последовательностью, согласно поданным заявлениям индивидуальных лиц, не отвечает духу времени.

В связи с этим я хотел бы поднять вопрос о принятии обществом «Мемориал» Обращения к Верховному Совету СССР относительно принятия соответствующего решения об отмене тех постановлений, которые были применены в отношении крестьянства — первых массовых жертв, самых больших в количественном отношении жертв сталинских репрессий.

Недавно «Правда» сообщала, что по меньшей мере свыше миллиона крестьянских хозяйств было разорено, т. е. примерно это 8—10 миллионов человек. И добиваться реабилитации единовременным актом этой значительной группы репрессированных — одна из наших задач. Решение этого вопроса в законодательном порядке, я думаю, будет иметь очень важное морально-политическое значение.

Г. БАКЛАНОВ, писатель

Одно из следствий сталинизма — это нетерпимость, которая сидит в каждом из нас. И она звучит даже здесь. Мы развалим только начинающееся святое движение, если будем нетерпимы — слева ли, справа ли, откуда угодно!

Мне очень понравилось выступление товарища из Литвы. Это то, что надо делать и в России. К сожалению, это сделать необычайно трудно, потому что семья, особенно крестьянские, исчезли до корня, и восстановить поименно сегодня почти невозможно, но делать это надо.

К нам идет довольно много писем с таким вопросом: как же так, памятник и жертвам, и палачам? Я не хочу вносить деньги, потому что таким образом я вношу деньги на палача моего отца, и т. д.

Мы должны поставить памятник жертвам и осмыслить все, что произошло, потому что, простите меня, действительно нет в мире невинных. Наша прекрасная интеллигенция прекрасно смотрела, когда истребляли крестьян. А потом ее истребляли. Выселяли один народ — другой народ молчал, да и сегодня осталась эта нетерпимость народа к народу. Мы только начинаем такой длительный путь, которому пока не видно конца, да и середины тоже. Поэтому в этом пути нужно быть максимально

терпимыми, максимально сознавать, что же мы делаем. Ни один закон не установит ничего хорошего, если люди не будут готовы к принятию и исполнению этих законов. А мы еще к этому не готовы.

Таким образом, я думаю, что наша работа должна быть и конструктивной и кропотливой, и спокойной, и очень ответственной.

Один из инструментов сталинизма — национальная нетерпимость. Сегодня, может быть, самое сложное, что есть в нашей стране, — это национальные отношения и экономика. В это все упирается, и здесь нам нужны величайшая терпимость и понимание воли каждого народа потому что, когда мы будем все считать, окажется все виноватыми и у каждого к каждому будут претензии. Каждый народ должен жить по-своему, сохранять все свои традиции, и не дай бог нам потерять то, что нас делает все-таки единым государством.

«Мемориал» должен спланировать народы единой целью — целью восстановления справедливости. Сталинизм был ужасен не только жертвами, но и тем, что давал привилегии, и огромное количество людей иначе не понимает жизнь, как набиравшие себе привилегий и подавление интересов других.

Словом, товарищи, я выступил для того, чтобы немножечко умерить страсти и перейти к делу.

На пленарных заседаниях Конференции выступило свыше 70 ораторов. Но нескольким десяткам желающих не удалось

это сделать. Не удалось выступить и философу Г. С. Померанцу, передавшему свой текст в Оргкомитет.

Я присутствовал на двух утренних заседаниях Подготовительной конференции общества «Мемориал». После субботы (29 октября) осталось чувство хорошего начала. Воскресное утро вызвало скорее досаду. Очень не хватало культуры «спора без ссоры». Предложение «экстремистов» — потребовать под Мемориал здание КГБ — вызвало испуг и не было поставлено на голосование (хотя демократическая процедура этого требовала); в фойе один из умеренных назвал выступавшего провокатором (для чего не было никаких оснований); оскорбленный дал оскорбительную пощечину... «Экстремизм» и «сервильизм» раздражали друг друга до истерики. Отдельные прекрасные выступления (Г. Бакланова, А. Рогинского) не смогли переломить настроения. Делегаты из дальних городов негодовали на распри москвичей. Хаос резал глаза на фоне трезвых, смелых и в то же время сдержанных выступлений прибалтийцев. России есть чему у них поучиться.

Через оба дня тянулся мучительный вопрос, переходивший из уст в уста без ответа: как быть со вчерашними палачами, ставшими жертвами? Мне, к сожалению, не дали возможности сказать то, что я об этом думаю. И я решил об этом написать.

Я хотел сказать, что разбойник на кресте — жертва. Одному такому мокрушнику уже было сказано: «Ныне же будешь со Мною в раю». И про распинавшихся: «Прости им, Господи, ибо не ведают, что творят». Это, конечно, давно было. Так давно, что почти что неправда. Но вот недавно. Когда арестовали мать Марию, эсэсовец Гофман крикнул Софии Борисовне Пиленко: «Вы дурно воспитывали свою дочь, она только жидкам помога-

Г. ПОМЕРАНЦ, философ

ет!». София Борисовна ответила: «Если бы и вам грозила беда, то и вам помогла бы». Мать Мария улыбнулась и сказала: «Пожалуй, помогла бы...» Гофман принял это за издевательство и замахнулся на нее. Но она была совершенно правдива. «Тот, кто не любит своих врагов, — не христианин». Мать Мария вряд ли знала эти слова схионаха Силуана, но чувствовала заодно с ним.

Духовный смысл «Мемориала» — конец ненависти. Правда о каждом человеке должна быть восстановлена — но без ненависти. Если мы останемся в плену нетерпимости, в плену фанатизма — алу не будет конца. В Испании прах всех погибших в гражданскую войну, республиканцев и франкистов, свезли на одно кладбище и над всеми поставили один большой крест. Неужели мы пристрастнее и нетерпимее, чем генерал Франко? Почему мы боимся милосердия?

Делегаты съезда дружно окрещивались от «Памяти». «Сервильисты» заодно окрестились и от ДС. Более смелые считали, что с экстремизмом демократическим, ненасильственным и, так сказать, незлокачественным сотрудничать можно. Но от «Памяти» окрещивались все. Почему? Потому что общество «Память» — это память ненависти.

У порядочных людей это вызывает гадливое отшатывание. Но задумаем его до конца. Опыт страшных лет требует отшатнуться от всякой ненависти, от всякой мести. Только так — через нас самих — умрет дух, символом которого стал Иосиф Сталин.

Пути к Мемориалу

Лев РАЗГОН, писатель

Посмотрим на дело с чисто количественной стороны. Сколько их было, работников НКВД или ОГПУ, погибших в годы репрессий? Их насчитывается около 20 тысяч человек. Даже если принять эту цифру целиком, что она в сравнении с миллионами невинных жертв? Крупница, капля. Неужели это может помешать нам воздать память тем, кто, в отличие от этих людей, вообще не прикасался к рычагам репрессивной машины?

Но разве всякий человек, который имел какое-то отношение к Лубянке, был обязательно палачом?

Справедливо ли объединять палачей Ежова и Берии, скажем, с полковником Абелем, с другими известными и неизвестными нам разведчиками, которые давали точные сведения о начале войны и чьи донесения были брошены в корзину, чтобы не рассердить Сталина? Эти люди были воинами, они рисковали своей жизнью и часто ее отдавали. Их не нужно путать с теми, кто осуществлял массовый террор.

Да, моральная потребность знать точно, кто кем был в эти трагические годы, велика и совершенно правомерна. Сегодня это сделать трудно, но неужели нет никакой возможности выяснить это в дальнейшем? Есть. Для этого нужно одно — открыть архивы.

Создание памятника жертвам репрессий — не главная задача «Мемориала». Но если говорить о памятнике, то мне больше других пришлось по душе предложение, высказанное в «Огоньке» одним священнослужителем, — свеча на Лобном месте с надписью: «Всем невинно убиенным». Вот эта формула — «невинно убиенным» — включает, на мой взгляд, наиболее общее и в то же время наиболее точное толкование того, кому мы адресуем свою память и боль, кому мы ставим памятник.

Записал С. РЕШЕТНИКОВ.

солдат в бою может убить противника, который сам по себе является порядочным человеком, а палач казнит преступника, чьи противозаконные деяния взысканы, оценены беспристрастным судом. Так почему же во все времена профессия воина окружена почетом, а профессия палача — позором? В средние века, как известно, одно лишь прикосновение к палачу, кату требовало очищения, настолько отвратительной считалась сама сущность палачества. В чем же разница? В одном: палач убивает беззащитного человека, воин сражается с противником, подчас даже более сильным.

Как бы ни была ужасна гражданская война, ее нельзя сравнивать с тем, что происходило у нас в тридцатые годы. Это было бы аморально. Нет, маузеры и

Евгений ЕВТУШЕНКО, поэт

Вопрос. Евгений Александрович, Вы являетесь сопредседателем Общественного Совета «Мемориала». 28—29 января состоится Учредительная конференция этого Общества. Каким вы представляете себе это Общество?

Ответ. Первоначальная идея — увековечить память всех невинно погибших. В поддержку этой идеи было собрано более 50 тыс. подписей, и это коллективное письмо было передано в Центральный Комитет. Я абсолютно уверен в том, что когда наша партия принимала решение об увековечении памяти жертв необоснованных репрессий, то это мнение было учтено. Теперь нам удалось открыть счет, и мы, не дожидаясь официального учреждения общества «Мемориал», начали собирать деньги по всей стране.

...Одновременно с этим Общество занялось и другими видами деятельности, которые и станут основными для нас в будущем. Так, например, в крошечной пятиметровой комнатке на Чер-

няховского, 2 уже начался сбор материалов, заполнение зияющих пустот истории.

В последнее время появилось много мемуаров знаменитых людей или их родственников, чудом уцелевших во время репрессий, или мемуаров людей, которые каким-то образом соприкасались с ними. Но историю нельзя строить на свидетельствах только знаменитых людей или на свидетельствах их родственников. Вообще история понимается в простых человеческих судьбах. А, к сожалению, у нас никто не занимался общественным опросом уцелевших свидетелей того времени — раскулаченных крестьян, репрессированных рабочих. Сейчас эти люди представляют собой драгоценную крупицу истории, которая может исчезнуть в Лете. Опросить их не под силу ни одному официальному учреждению. Это просто практически невозможно. Я считаю, что, собирая этот материал, мы подготавливаем будущие учебники истории, подго-

тавливаем спасенную от исчезновения собственную национальную историю. Это является одной из главных функций общества «Мемориал».

Не надо представлять, что памятником все закончится. Самый лучший Памятник — это память. Поэтому, если мы поставим, предположим, в Москве или еще в нескольких городах какие-то бронзовые или гранитные монументы, то это будет похоже на бронзовые или гранитные вязытки. То есть мы отделимся от памяти памятниками. А должна быть сама память. И память-памятник — это часть великого памятника, которым должна быть наша национальная память.

Каким я вижу Мемориал? В каждом случае это должно решаться конкретно. Ну, например, я считаю, что обязательно такие памятники должны быть созданы в местах наиболее концентрации заключенных людей. Например, в Магадане, Воркуте, они, безусловно, должны стоять.

Окончание на 7-й стр.).

ДВИЖЕНИЕ СОВЕСТИ

Ю. АФАНАСЬЕВ,
историк

ветствовать, что нашлись учредители в виде творческих союзов, «Огонька», «Литгазеты». Это значит, что сама идея увековечения памяти жертв сталинских репрессий встречает очень широкий отклик, и не только отдельные люди, но и социальные институты, творческие образования оказываются заинтересованными в реализации этой идеи. Но здесь в последнее время я усматриваю какую-то порой неоткровенность позиций. Мне кажется, что ведь это прежде всего — Движение совести. Оно должно быть предельно открытым, открытым, и никакие недомолвки, недосказанности здесь ни в коем случае не должны иметь места. Но, к сожалению, мы с ними столкнулись. Несмотря на существование организаций-учредителей, мы до сих пор испытываем затруднения с залом. Казалось бы, чего сложного: зал на 500—600 человек? У каждого из творческих союзов такие залы есть. Мы вынуждены брать зал МАИ. Вопрос: почему? Я не могу ответить. Я могу только догадываться, подзревать...

Корр. Вопрос к вам как к профессиональному историку, возглавляющему Ученый Совет будущего Общества. Как вам видится научная и просветительская работа Общества?

Ю. А. Во-первых, я вижу огромные перспективы деятельности этого общества в плане собирания народного архива: личных записей, частных архивов, неопубликованных рукописей — всего того океана документов, которые по вполне естественным причинам не оказались в государственном архивном фонде. Этот народный архив мне представляется едва ли не центральной задачей нашего общества. Способы его комплектования должны коренным образом отличаться от ныне существующих способов комплектования систем государственного архива. Дело в том, что наши архивы все-таки стали приложением государственной бюрократической системы и ее естественным продолжением. И поэтому все, что касается жизни гражданского общества или, проще говоря, обыкновенных людей, не отражено в документах государственного архивного фонда или, по крайней мере, отражено не так, как этого хотелось бы. Это во-первых. Во-вторых, издательская деятельность. Если ее поставить по-современному, она тоже призвана способствовать скорейшей демократизации нашего общества. Профессора, преподаватели, ученые Историко-архивного института не так давно обратились с открытым письмом в Президиум Академии наук СССР о том, чтобы издать «Белую книгу» сталинских преступлений, с этой целью предложили открыть архивы КГБ, хотя бы до середины 50-х годов, впервые сделать научную публикацию документов по таким событиям, как «Шахтинское дело», «Промпартия», все процессы 36—38 гг. К сожалению, ответ, который я получил из Президиума Академии наук, свидетельствует о том, что за реализацию этой работы тоже придется

себя очень сильно бороться, мобилизуя для этого усилия самой широкой нашей общественности. Справочно — библиографическая работа — это тоже то, что не делается в официальной системе. То есть я усматриваю в деятельности «Мемориала» момент альтернативный в смысле формирования нашего гражданского общества. И это должно быть во всем: как само Движение призвано стать социальным институтом нашего общества, так и по тем же принципам должен быть организован и научно-исследовательский центр. Он должен представлять собой именно общественное, а не государственное образование.

Что касается возможности привлечения ученых-профессионалов. Без этого я не мыслю себе деятельности этого центра. У нас должны быть специалисты архивного дела, археографы, люди, способные к публикации архивных документов. Кроме того, у нас должны быть люди, которые возглавили бы движение «Устная память». В него должны быть вовлечены студенты, молодежь, школьники, молодые ученые — это должно стать, может быть, самым массовым движением в рамках «Мемориала». Необходимо снаряжать ежегодно огромное количество экспедиций, в состав которых должны входить главным образом молодые. Но экспедиции надо готовить методически, и тут профессионалов должно быть очень много.

В этой же связи об Ассоциации молодых историков. Я просто не знаю, где еще этой ассоциации проявить себя более полно, как не в нашем движении. Ведь так уж сложилось, к сожалению, что большая часть нашей отечественной истории советского периода связана со сталинизмом и провозглашена им. Тут какую область ни возьми: аграрную политику, индустриализацию, отечественную войну — мы везде будем наткнуться на все эти явления, которые называются сталинизмом. И, конечно, я рассчитываю на то, что Ассоциация молодых историков будет участвовать в этой работе.

Интервью взял
П. КУДЮКИН.

Корр. Юрий Николаевич, общество «Мемориал» создается в довольно сложной обстановке. Как вам, председателю Оргкомитета, видится политическая линия создаваемого Общества? Как ему обойти все рифы?

Ю. А. Я думаю, что обойти эти рифы не удастся, придется их пройти. Любое явление нашей действительности, мне кажется, сейчас нельзя понять основательно и глубоко, если не попытаться вписать его в более широкий социальный и политический контекст. Естественно, здесь много противоречий. С одной стороны, ширящееся и углубляющееся движение «Мемориал» — движение людей, которые причастны к идее сохранения памяти жертв сталинизма и стремятся увековечить ее разными способами, разными средствами, а не только сооружением памятного знака. Свидетельств расширения движения достаточно много: больше ста городов, различные акции, действия на местах, сбор средств и т. д., солидные организации-учредители — всеми уважаемые творческие союзы, поддержка самой идеи увековечения памяти жертв сталинизма высказана М. С. Горбачевым. Но, с другой стороны, — извести, которые поступали и поступают из Минска, Алма-Аты, Саратова, из ряда других мест, где мы имеем явное противодействие Движению со стороны местных органов власти. И, видимо, не только местных... Мы до сих пор не смогли опубликовать проект Устава Общества, и даже организации-учредители — «Литературная газета» и «Огонек» — не имеют такой возможности, по крайней мере, не публикуют его. Известна история с объявлением конкурса Министерством культуры СССР.

Целый клубок противоречий, глубоких, острых. Вот и попытаться бы понять, каковы причины. Мне кажется, здесь и надо бы рассмотреть процесс создания нашего общества в более широком политическом контексте.

Движение «Мемориал» представляет собой одно из все усиливающихся демократических движений в нашем обществе. Это

— вся совокупность неформальных организаций, движения в национальных республиках, областях, краях, регионах. Это — кооперативное движение, которое тоже набирает силу и которому тоже оказывают сопротивление. Во всех этих движениях есть тенденция к дальнейшей радикализации, в том числе и в движении «Мемориал». И вполне ясно, что это движение будет так или иначе выходить на уровень нашей политической действительности. Этого избежать нельзя и, с моей точки зрения, не нужно. Но есть силы, которые всеми фибрами ощущают это развитие демократических движений, боятся его и не заинтересованы в демократизации общества. А в «Мемориале» усматривают одно из направлений этого неотвратимого движения нашего общества к демократизации. Но это еще не все. Общество объявило, что будет вести исследовательскую и историко-просветительскую работу. Тут тоже есть силы, которым это, совершенно очевидно, невыгодно. Ведь углубление исследований, с одной стороны, а с другой — просветительская деятельность Общества будут все больше и больше обнажать сущность того феномена, который сейчас называют сталинизмом. И преступление этого режима предстанут не только как громадное число жертв. Мы увидим в сталинизме не просто виновника массовых убийств, но и источник гораздо более крупных нравственных, социальных, политических, духовных преступлений. И в этом тоже не все заинтересованы. Вот некоторые аспекты и причины той противоречивой ситуации, которая создается вокруг Общества.

Вопрос. Вы упомянули организации-учредители. Как вы оцениваете ситуацию в Оргкомитете в связи с их позицией?

Ю. А. Позиция учредителей, к сожалению, тоже не поддается однозначной оценке. С одной стороны, от всей души надо при-

«МЕМОРИАЛ» — УЖЕ ФАКТ КУЛЬТУРЫ

М. ЧУДАКОВА,
литературовед

ционно-издательская, библиографическая группы и группа информации. Группа информации должна осуществлять связь между Ученым Советом и Оргкомитетом — то есть передавать информацию.

Методическая группа, помимо постоянного совершенствования принципов обработки информации, будет вести научно-методические семинары — по устной истории и т. п. По-видимому, особой группой может стать Лаборатория устной истории.

Корр. Какой же, по-вашему, должна быть структура работы НИЦа?

М. Ч. Каждый час «мемориального» действия — это уже факт культуры. Он должен тут же иметь выходы в семинарах, бюллетенях, в гласном и печатном взаимобоим обмене информацией. Он должен почти автоматически отпечатываться в культурной почве — для сегодняшних граждан и будущих историков, так что часть этого «исторического времени» уже утекла безвозвратно.

Острая нехватка гуманитариев среди актива НИЦа, а в то же время — отсутствие самой установки на «гуманитаризацию» (не путать с гуманностью!) — это ощущалось почти до конца предыдущего года. Понятно, что Оргкомитет работает в труднейших условиях, и текучка сносит. Конституирование НИЦа изменит ситуацию. Прежде всего необходимо начать работу нескольких семинаров.

Я говорила на рабочем заседании 28 ноября 1988 г., повторю и сейчас: невозможно строить работу на «исполнительках», не знающих о работе друг друга, плохо видящих собственную работу в общем контексте деятельности НИЦа. Нужны регулярные, не реже одного раза в месяц, семинары с сообщениями о текущей — именно текущей! — работе, причем с непременно реферативным бюллетенем, где будут печататься в кратком изложении все сообщения и все сведения о новых поступлениях архивных документов. Этот вид печатной деятельности НИЦа в определенном смысле не менее важен, чем издание «Библиотеки «Мемориала» и «Альманаха», что я горячо поддерживаю, конечно.

Корр. Как, по-вашему, почему наша «знать», т. е. люди, защищенные не постом, а собственной известностью (заслуженной), не участвуют (за редчайшим исключением) в уличных акциях — сборе подписей, митингах, демонстрациях? Даже если разделяют соответствующие цели и ценности? Это похоже на какой-то уговор «знати» и «власти». И присутствие «знати» в «Мемориале» может приводить — и иногда приводит — к скрыванию методов «прямой демократии», как компрометирующих «знати».

М. Ч. Ответ не так прост. Во-первых, власть придала одиозную окраску всему, что происходит вне тиши официальных интерьеров, ковровых дорожек. «Вы бы пришли к нам, рассказали, посоветовались...». Деятели культуры привыкли ходить и ходить по кабинетам, один на один

или небольшими группами. С другой стороны, понятно некоторое недоверие к улице людей, что называется, серьезных, пусть и вполне здравомыслящих. За что именно несет ответственность человек, оказавшийся «на улице»? За тех, кто слева и справа от него с лозунгами, которые он разделяет? Или и за тех, кто в десяти метрах от него поднял плакат, за который он вовсе не ответствен? А если он в то же время не желает отмежевываться от каких-то несимпатичных ему лозунгов? Улица текущая, и она навязывает человеку то поведение, которое для него не органично. Так что же делать? Я думаю, все-таки убеждать тех, кого вы хотите видеть на митингах, выйти на улицу. Да, органы «Мемориала» не должны скрывать методов «прямой демократии». Напротив — я уверена, что «Мемориал» должен стать обществом, которое естественным образом использует разные формы демократии, вырабатывает и совершенствует эти формы. И это не менее важный его признак, чем само содержание его деятельности.

Но и здесь весьма важно сохранить уважение к личности. Не должно быть целью поставить людей в неудобное положение: «А, так ты не хочешь идти?!» Иначе это будет напоминать пионерские рейды 20-х годов, мандельштамовское «Вдарь, Васенька!».

Корр. Существует мнение, что особо ценные материалы не могут храниться вне государственных архивов. Как вы на это смотрите? И кто решает — что особо ценное?

М. Ч. В 1975 году в книге «Беседы об архивах» я писала о предпочтительности государст-

Корр. Какова роль Научно-информационного центра в «Мемориале»?

М. Ч. Создание НИЦа было заявлено в программных документах «Мемориала» как одно из главных направлений деятельности Общества. В условиях, когда конституирование Общества отодвигается на неопределенное время, возникла и, пожалуй, не могла не возникнуть тенденция к обособлению энергично ведущейся работы по сбору материалов и организации последующего их издания от самого Общества. В таком случае НИЦ будет эффективно работать архивным и научно-издательским Учреждением, но из Общества будет вынут собственно его «сердечник» — и тогда, само собой, станет ясно, что незачем учреждать такое Общество, где ведутся только разговоры. А НИЦ потеряет свой демократический характер. Это станет делом группы хорошо работающих профессионалов, и только. Это немало. Но к этому ли были направлены давние общественные устремления?

Корр. Какими должны быть в НИЦе отношения профессионалов и добровольцев (естественно, некалфицированных) помощников, так называемых «активистов»?

М. Ч. Идея Общества — в добровольном участии в общем деле всех желающих, причем непосредственно, то есть без каких-либо посредствующих звеньев. Мы адресуемся к личности, которая уверена в том, что это ее дело.

Чем лучше будет организовано дело, тем естественней будут складываться отношения профессионалов и «активистов». Должна быть разработана программа деятельности НИЦа, и

каждому, кто придет и предложит свою помощь, профессионалу и непрофессионалу, будет легко определить формы своего участия — в соответствии со своими возможностями (профессиональными навыками, предпочтениями, временем, которое он может уделить этому делу, и т. п.).

И главное, профессионалы должны быть готовы обучать, а «активисты» — иметь возможность и желание обучаться.

Корр. У нас часто все дело сводится к формированию какого-либо органа, комиссии, совета и т. п., которые ровным счетом ничего не делают. Такие комиссии и советы служат до некоторой степени социальной регуляцией: вхождение в них, особенно во много разных, означает степень и характер «знатности» человека, позволяет ему и другим оценивать свой и чужой социальный статус. Как в этих условиях сделать, чтобы и Общественный Совет, и Ученый Совет НИЦа не были чисто «генеральскими»? Ведь «генеральский» совет не только не выполняет прямых функций, но и является удобной ширмой для закулисных операций.

М. Ч. Механизм действия демократически избранных органов Общества — одна из самых существенных, самых неясных проблем. Как избежать не только «генеральства», но и любой узурпации, победы прагматизма (даже в лучших целях) над демократизмом? Опасность и того, и другого ясно вижу, но рецепта пока не знаю.

При Ученом Совете будут, видимо, действовать методическая группа, архивная группа, редак-

ВЫСТРАДАТЬ ОБЩУЮ РОДОСЛОВНУЮ

Вопрос. Первое, о чем я прошу, чтобы Вы сказали, — это проблема сталинизма в нас. И второй вопрос, тесно связанный с первым: как обществу «Мемориал» не оказаться дополнительным фактором конфронтации в стране, где для значительной части населения Сталин представляет нечто неприкосновенное? Как работать с этими людьми, которым «Мемориал» на самом деле тоже нужен, не оскорбляя их?

Ответ. Я бы начал с того, что сталинизм еще не стал нашим прошлым. Я давно разделяю два понятия: «то, что было» и «прошлое». Человек открывает для себя неоправданность, невозможность, несправедливость того, что было, и потом это неоправданное, несправедливое, невосстановимое возвращает внутрь самого себя, как часть самого себя. И тогда уже оно становится прошлым. Это единственный способ, которым человек определяет себя в будущем. Ведь будущее — не пролонгированное настоящее, а особый способ соотношения с этим прошлым, когда знание неоправданности, неотделимости, необратимости, но вошедшее внутрь становится стимулом того, что человек стремится стать иным и сделать жизнь иной. Наша ситуация сейчас парадоксальна — мы никак не можем уйти от того, что было, и никак не можем превратить его в свое прошлое...

Вопрос. Т. е. освободиться от прошлого мы можем, только войдя в него, приняв его как наше прошлое?

Ответ. Более того, восстановление, а я бы даже сказал — возобновление прошлого необходимо для восстановления суверенитета индивида и народа.

И вот, чтобы освободиться от сталинизма, нам надо осознать его. Мы традиционно формируем сталинизм по некоторым идеологическим правилам, по которым люди вообще конструируют «измы». Но теперь мы догадываемся, и все острее, все болезненнее, что есть некий особый феномен, который вторгся в исторический процесс. И будучи его порождением, стал его неотъемлемым, слагаемым, притязующим на то, чтобы овладеть всем процессом, забрать его себе, отождествить его с собой. Это удивительный для нового и новейшего времени феномен, который добрался до человеческой повседневности, если применить последнее понятие в том смысле, как употреблял его, скажем, Ф. Бродель. Этот феномен сумел втесниться во все формы бытия, добраться до элементарных клеточек существования. В этом была, если угодно, его сила, и в этом — самая страшная его черта. И с нею же связаны трудности и мучения изживания.

Ибо изживание — это не просто избавление от каких-то рудиментов, представленных институтами, навыками, нравами. Если мы хотим преодолеть их, а мы хотим именно этого, нам не миновать того, чтобы возвратиться в «домен» сталинизма и самим (независимо и солидарно!) добраться до той человеческой повседневности, где уже не один Сталин, а мы все: еще не свободные, но освобождающиеся, делающие первые шаги к освобождению. И лишь тогда — не его прошлое, а наше прошлое! И оттого «изм» — сам по себе не избавление. И потому мало что дает изобретение ярлыков, будь то «госкапитализм», «неосамодержавие» или «административно-командная система». Все существующее, все на грани смерти и жизни.

Только так, вернувшись себе

прошлое, мы сможем обрести силу и ресурс. Защиты от повторов, от рецидивов в непохожей форме: без той экстремизации, без первоначальной кровавой мясорубки, которая преварила власть над судьбами и думами. Еще раз: сталинизм держался не только террором и даже не только, как замечательно точно сказал В. Гроссман, «страхом перед страхом», но и поддержкой, если угодно, особыми комплексами и чувствами людей. И это не только могущество, которое казалось заслуживающим жертв, но и некий магнетизм масштаба, осязаемый динамизм повседневно совершающегося. И если человек не одержим стремлением понять это, не опуская ничего, он сам ставит себе шлагбаум к самоосвобождению, поддаваясь соблазнам разрешенного вычеркивания или проклинания...

Дистанцирование опасно. Непричастность таит в себе обман. Может быть, и невольный, может быть, и чистый в побуждениях. Но не только чистый, не только! Есть место и чему-то вроде аукциона, где идет распродажа чудовищных вещей, загубленных судеб. Они сами по себе, мы — сами по себе. И здесь — переход ко второй части вашего вопроса. Ведь часто то, что выглядит желанием, притом нередко в грубых, инстинктивных, нерелективных формах, желанием сохранить, удержать Сталина в качестве того, что невычеркиваемо из жизни, — это реакция на суррогаты освобождения.

Как нельзя избыть сталинизм, не прилагая глубиннейшей энергии для понимания его «тайны», так и конфронтации нельзя избежать с помощью одних лишь

М. ГЕФТЕР,
историк

формул вежливости, набора внешних правил, призывов к сдержанному формулировкам (хотя сдержанность всегда благородна).

Вы сказали: не оскорбляя... Я бы сказал, что можно больно задеть человека раскрытием бездн этого феномена, но это не будет оскорблением. Оскорбляет поверхностность, афишность, отичен, а целостен. Он не для того кто берет на себя смелость анализа, смелость раскрыть правду себе и другим. Не надо оскорблять то — пусть неправильное, пусть темное, но человеческое в чем-то чувстве, которое, забравшись в клеточки человеческой повседневности, отсюда сопротивляется освобождению. И если го-

ворить о «Мемориале», то здесь есть глубоко человеческая трудность, которая решается только одним способом. Недавно опубликована фотография с VII съезда Советов СССР — в одном ряду сидят будущие палачи и жертвы. И когда мы проводим работу восстановления человеческих судеб, когда мы хотим прояснить глубокую коллективную работу возобновления и восстановления своей родословной, не опуская в ней ничего и не забывая в ней никого, мы должны избежать сразу такого грубого деления... В это адское колесо были втянуты очень многие. Из всех тайн 30-40-х тайна сопричастности — самая глубокая и кровотокая. Если сравнить с Германией, там все же была достаточно ясная грань между фашизмом и антифашизмом. У нас же демаркация необычайно сложна. Здесь, в сущности, затонувшее во времени братоубийство.

И мне кажется, «Мемориал» — не на время, а надолго, не частичен, а целостен. Он не ради только, чтобы в нетленном материале воссоздать память, но для того, чтобы, внутренне переживши, действительно прочертить если не окончательную, то достаточно глубокую и непреходимую черту, оставляющую позади братоубийство как систему, как то, с чем свыклись, перед чем отступались... Это наш современный катарсис, глубочайшее нравственное освобождение от уходящего наваждения.

Вопрос. Вы употребили здесь очень важное, на мой взгляд, слово — самоосвобождение...

Ответ. Самоосвобождение в двух смыслах. Во-первых, нам

не помогут никакие вариации, хотя непременно надо перевести то, что наработано на Западе людьми, которые в более свободных условиях пытались узнать и понять нас... Но могли ли они и могут ли понять без нас? А во-вторых, процесс самоосвобождения не может прийти «извне» в форме декрета, манифеста... Это процесс, в котором очень важно собрать — без просеивания, без наперед установленных календарных отсчетов — тысячи тысяч человеческих судеб и совместно их внимательно, дотошно, ничего не опуская, разглядеть, распознать в письмах, свидетельствах, дневниках, показаниях, семейных фотографиях... во всем, что осталось, увидеть, выстроить, выстрадать общую родословную. Я бы написал девиз самоосвобождения: «Избежать новой избирательности». Это должно быть нравственной хартией. «Мемориал» должен быть открыт всем видам и всем стилям работы по восстановлению правды о прошлом, по возобновлению всеобщего прошлого. Принцип исходного равенства, презумпции равенства судеб пусть будет витать над «Мемориалом».

Вообще «Мемориал» не должен организационно отмежевываться, говорить: вот это мы, это не мы. Но у него должна быть очень ясная, отличающая его нравственная основа, в этом смысле он должен быть очерчен. И в этом смысле быть призван стать полноценно независимым общественным движением, одной из самых важных и живых завязей общества, которое только становится на собственные ноги.

Интервью взял
П. КУДЮКИН.

Каким быть Мемориалу — памятнику и обществу? Споры на эту тему ведутся как внутри Движения, так и вне его, выплескиваются на страницы центральной прессы. Слово — тем, кто имеет право в первую очередь высказаться по этим вопросам: жертвам репрессий.

Г. Л. БЛЮХЕР

Глафира Лукинична Блюхер. Вдова легендарного Маршала. В 1938-м, после допроса, который вел лично Берия, Глафира Блюхер получила восемь лет по статье 58-12 — «за недонесение об антисоветской деятельности мужа».

В ноябре прошлого года Глафира Лукинична побывала на Неделе совести в ДК МЭЛЗ, видела проекты Мемориала.

— Совершенно очевидно, что это должен быть целый комплекс, — говорит Г. Л. Блюхер. — Каждый пришедший должен иметь возможность увидеть, узнать, прочитать! Какая-нибудь гранитная глыба с высеченными именами вряд ли поможет будущим поколениям понять суть сталинщины.

Мне думается, что люди должны идти сюда, как в храм, как на кладбище, чтобы поминуть, хоть мысленно, родных и близких, жертв огромной трагедии.

Что касается установления Дня памяти, скажу одно: не надо его «приурочивать». Предлагают, например, 1 декабря — день убийства (1934 г.) С. М. Кирова, или 25 марта — день массовой депортации (1941 г.) латышей. Сколько их было тогда, трагических дней! Пусть это будет «независимый» День памяти всех пострадавших...

А. В. АНТОНОВ-ОВСЕНКО

Антон Владимирович Антонов-Овсенко. Сын известного революционера. Добрых полтора десятка лет провел в сталинских тюрьмах, ссылках и лагерях. Персональный пенсионер, Антон Владимирович известен сегодня как историк и писатель, автор книг о своем отце, публикаций о Сталине и Берии.

В Ленинграде существует музей истории уголовной преступности, официально — истории ленинградской милиции. Необходимо открыть в столице подобный же музей истории сталинских преступлений. Без такого музея проектируемый Мемориал потеряет значение как центр распространения исторических знаний и воспитания гражданственности.

Поскольку идея сооружения памятника жертвам массовых репрессий подана общественностью, ее претворение в жизнь следует оставить в ведении общественности, на чьи средства он будет построен. Никаким государственным учреждениям и партийным органам не дано диктовать условия создания Мемориала, структуры этого комплекса и оформления его — народный памятник должен создавать сам народ.

Предлагаю разработать программу сооружения в Москве и других городах Союза памятников известным революционерам, погибшим от руки Сталина, а также героям сопротивления политике Брежнева.

Полагаю также необходимым создать при Оргкомитете общества «Мемориал» Контрольный совет, который подобно суду чести ограждал бы это патристическое движение от людей с запятанной совестью.

Что касается выбора Дня памяти жертв незаконных репрессий, то им мог бы стать первый день весны — 1 марта. Из пепла погибших рождается свобода.

Интервью взял
А. А. АНТОНОВ-ОВСЕНКО.

(Окончание. Начало на 5-й стр.)

венного хранения, несмотря на все его издержки. Альтернативы государственному хранению тогда не было!

Но в течение последующего десятилетия обстоятельства поменялись к худшему, в том числе и «человеческий фонд». Сегодня, в несравнимо лучших общественных условиях, архивами руководят, к сожалению, люди, которых невозможно было представить в этой роли в сере-

дине 70-х и в предшествующие годы. Научная общественность не раз имела возможность убедиться в том, что администрация архивов не может обеспечить нужное науке доступа к документам. Если же прибавить сюда пожары и затопления, опять-таки призадумавшись: куда помещать сегодня ценные рукописи, а при условии ксерокопирования вопрос о том, где хранить подлинники особо ценных рукописей, теряет свою актуальность.

Вообще же я мечтаю и надеюсь, что именно архив «Мемориала» станет тем разумно организованным архивохранилищем, которое окажется образцом для государственных архивохранилищ. Ведь самой целью его станут интересы науки и культуры.

«Кто решает?» — спрашиваете вы. Это вопрос более общий, чем про ценные рукописи. «Порча» людей, происшедшая за последние двадцать лет, в том числе и лучших, стала очевидной именно в наши дни. И это, может быть, с особенной остротой ощущается там, где многое неизбежно — как ни отлаживай механизмы! — должно строиться на человеческом доверии.

Интервью взяла
Н. БРАГИНСКАЯ.

ОТ МОСКОВСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «МЕМОРИАЛА»

Хотя создание научно полноценного и технически оснащенного Научно-информационного центра тесно связано с постройкой мемориального комплекса, накопление фондов общественного архива «Мемориала» и их обработка уже начались. С самого начала своего еще пока неформального функционирования Общество ведет активную работу в этом направлении: заметные успехи достигнуты в Москве, Ленинграде, Красноярске, Новоси-

бирске и некоторых других городах. Участниками Движения за несколько месяцев только в Москве собран массив документов примерно в 10 тысяч единиц хранения, содержащих сведения о десятках тысяч людей, пострадавших от репрессий. Если же к этому присовокупить информацию, накопленную региональными группами, а также отдельными активистами движения — на-

(Окончание на 8-й стр.)

Е. ЕВТУШЕНКО, ПОЭТ

(Окончание. Начало на 4-й стр.)

Я считаю, что главная цель этого Общества не только просто почтить память уже погибших, но и вести культурно-просветительскую работу, чтобы никогда подобные ошибки, подобные преступления не повторились. Наши архивные материалы нужны как баррикады, которые должны встать на пути любой попытки повторения культа личности, любой попытки угнетения человеческого достоинства.

Вопрос. То есть это должен быть музей с архивом, с библиотекой?

Ответ. Безусловно. Музеи должны быть как в центре, так и на местах. Особенно в местах сталинских лагерей. Туда, безусловно, будет паломничество многих людей. Но такие же памятники должны стоять и в столице нашей Родины, и в Ленинграде, где было потеряно столько интеллигенции, уничтожен цвет рабочего класса.

Вопрос. Предлагаете ли вы временные рамки для «Мемориала» и какие?

Ответ. А я не предлагаю никаких временных рамок. Я считаю, что это должна быть обоснованная правда о необоснованных репрессиях. Но в основном о жертвах необоснованных репрессий. Да, были созданы Соловки еще до того, как Сталин полностью прибрал власть. Совершались ошибки и до этого. И мы должны их тоже анализировать.

Вопрос. А нужно ли распространять «сферу действия» «Мемориала» до последнего времени, до наших дней?

Ответ. Да. Но мы должны в этом разобраться. Понимаете, в чем смыкаются иногда ультра-радикалы с ультраконсерваторами? Они заранее готовят схему, заранее. А потом в эту схему начинают втискивать реальные исторические события. Наша главная задача — изучение истории, мы не должны заранее вычерчивать никаких схем. А пока мы стоим практически перед закрытой дверью.

Вопрос. К сожалению, многие архивы, я знаю, уничтожены. Выяснить истину будет очень сложно.

Ответ. Да, сложно будет. Но существуют люди. Вот мы и должны восстанавливать. Понимаете, как собирается лицо преступлений, как собирается лицо преступника — по крохам. Как рисуют лицо преступников по рассказам очевидцев и т. д. Там, где пропали конкретные черты, их должно воссоздать.

Вопрос. Безоблачны ли перспективы движения «Мемориал»?

Ответ. Отнюдь нет. Трудностей много. Но, утываясь в трудности носами, мы не видим иногда собственных побед. Потому что то, что происходит с «Мемориалом», со всем нашим обществом, это просто колоссально. Это колоссальная победа. Сама гласность — колоссальный результат.

Интервью взяла
М. БОГДАНОВА.

СЧЕТ ПАМЯТИ ОТКРЫТ

«Литературная газета»,
27 июля 1988 г.

700454 — таков номер счета, который по просьбе «Литературной газеты» открыт Жилсоцбанком СССР для сбора средств на строительство в Москве памятника жертвам сталинских репрессий.

В статье «Возвращение гражданства» («ЛГ» от 6 июня 1988 г.) приводились конкретные предложения инициативной группы по увековечению памяти жертв сталинских репрессий; о создании общественного комитета по строительству Мемориала и о специальном счете, который должен быть открыт на строительство Мемориала (во всех без исключения читательских письмах сказано, что он должен быть построен на народные деньги).

Первое предложение инициативной группы выполнено. Редакция «ЛГ» обратилась в правление Жилсоцбанка СССР с просьбой открыть специальный счет на строительство Мемориала (распорядителем фонда, как и сказано в письме «ЛГ» в правление Жилсоцбанка СССР, будет общественный комитет, избранный демократическим путем).

КОНКУРС ОТКРЫТ 27 декабря 1988 г. — «Советская культура».

Министерство культуры СССР, Госкомархитектура, Мосгорисполком, Академия художеств СССР, Союз художников СССР, Союз архитекторов СССР в соответствии с установками Всесоюзной партийной конференции объявляют Всесоюзный открытый конкурс на лучший проект памятника жертвам беззакония и репрессий, имевших место в годы культа личности. Памятник создается в Москве... Состав жюри конкурса будет определен позднее. Организаторы конкурса обращаются с просьбой направлять предложения по составу жюри в Министерство культуры СССР...

В МОСКОВСКОМ ОБЪЕДИНЕНИИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ

25 декабря 1988 г. в Центральном доме актера прошло очередное собрание Московского объединения бывших узников сталинских лагерей. Присутствовали более 300 человек.

Собравшиеся выслушали и одобрили отчет рабочей группы объединения, выбрали делегатов на Учредительную конференцию общества «Мемориал».

В выступлениях и резолюциях собрания отмечались:

необходимость скорейшей выработки компетентными органами нормативных актов по улучшению пенсионного обеспечения бывших репрессированных, по предоставлению им различных льгот;

необходимость предоставления лицам, пострадавшим от репрессий, родственникам погибших, а также исследователям полной и достоверной информации об обстоятельствах репрессий, содержащейся в ведомственных и государственных архивах;

необходимость скорейшего уч-

27 декабря 1988 г.
Открытое письмо Общественного Совета «Мемориала» министру культуры СССР Захарову В. Г.

Уважаемый Василий Георгиевич!

В «Советской культуре» 27 декабря было опубликовано постановление об открытии Всесоюзного конкурса на памятник жертвам беззаконий и репрессий.

Мы категорически протестуем против того, что в списке учредителей конкурса нет Общественного Совета «Мемориала», Совета, который был выбран демократическим путем и является единственным распорядителем счета 700454. Разве можно было забыть, что в движение «Мемориал» входят многие чудом уцелевшие жертвы репрессий, с мнением которых не посчитались? Попытка отсечь общество «Мемориал» от участия в судьбе будущих мемориалов — это неуважение к тем людям, кто выбрал нас, к людям, которые, отрывая от себя свои нелегкие рубли, вкладывают их в самый нравственный банк — в народную память. Разве это нравственно — отсекал инициаторов от воплощения их инициативы? Тогда и воплощение принимает формы, весьма далекие от первоначальной идеи. Так, например, в постановлении вызывает недоумение безапелляционная формулировка в единственном числе: «памятник создается в Москве», как бы аннулирующая этим увековечение памяти жертв произвола в других городах и республиках.

Настораживает и само слово «памятник», чем как бы искусственно ограничивается, низводится до единичного скульптурно-архитектурного знака идея о создании научно-просветительских комплексов, включающих в себя и библиотеки, и архивные хранилища, и лекционные залы. Именно такая концепция получила широкую поддержку общественности и прессы. Только та-

кая память, сконцентрированная в научно-исследовательских центрах при мемориалах, способна быть верной помощницей и защитницей перестройки и демократии. В постановлении угрожающе проглядывает подмена народной памяти разовым памятником. Этого нельзя допустить.

А. Д. САХАРОВ,
А. М. АДАМОВИЧ, Е. А. ЕВТУШЕНКО, Ю. Ф. КА-
РЯКИН, М. Ф. ШАТРОВ,
Ю. Н. АФАНАСЬЕВ.

1 января 1988 г.
Письмо членов московского Объединения бывших узников сталинских лагерей в газету «Известия» (копия — в «Литературную газету», «Советскую культуру», Министерство культуры СССР)

В газете «Советская культура» от 27.12.1988 г. под заголовком «Конкурс открыт» сообщается об открытии конкурса на проект памятника жертвам репрессий времен культа личности.

Хотелось спросить через вашу газету, почему уважаемые организации — учредители конкурса сочли возможным устранить от участия в организации конкурса самих репрессированных, их детей и внуков? Как будто никому не известно, что существует общество «Мемориал», что мы уже несколько месяцев вносим наши добровольные пожертвования на создание памятника и историко-архивного центра.

Или устранение от этого «мероприятия» самих репрессированных является событием, аналогичным событиям в Куропатах, когда вдовам, детям и внукам не было разрешено поклониться праху умерших и расстрелянных? Кроме того, почему только памятник? С нашей точки зрения, необходим историко-архивный центр, куда мы, незаконно репрессированные, отнесем свои сохранившиеся письма, фотографии, воспоминания. Это ведь неоценимые подлинные источники для нынешнего и будущих поколений историков. Неуже-

ли все это должно погибнуть, когда умрут последние жертвы репрессий?!

ЛЕВИНСОН Г. И., ГРЕЧ-
НИНОВА Т. С., ПЕЧАЛО-
ВА Л. Л., ХАЛФЕН К. И.,
МИЛОВАНОВА И. Б. и др.

3 января 1989 г., «Известия»
Интервью с министром культуры СССР В. Г. Захаровым

Вопрос. Как будут покрываться расходы на сооружение памятника?

Ответ. Основные расходы на себя взяло государство. Будут привлечены и значительные средства, собранные общественностью. Уже в июле 1988 года в Жилсоцбанке СССР был открыт для этого специальный счет № 700454. Всего на счету памятника уже более полумиллиона рублей.

Сведения о счете 700454:
июль — 30 руб.,
август — 28 313 руб. 39 коп.,
сентябрь — 123 759 руб. 30 коп.,
октябрь — 295 407 руб. 05 коп.,
ноябрь — 390 052 руб. 11 коп.,
20 декабря — 502 тыс. руб.
12 января — банк отказался сообщить представителю Оргкомитета об очередных поступлениях на счет 700454.

14 января 1988 г. ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ УЧРЕДИТЕЛЬНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ».

1. Конференция подтверждает положения основных документов общественного движения за увековечение памяти жертв репрессий:

— памятник жертвам беззакония и репрессий (Мемориал), сооружение которого планируется в г. Москве, должен включать в свой состав кроме монумента информационно-исследовательский и просветительский центр с общедоступным музеем, архивом и библиотекой;

— при проведении конкурса на такой памятник и его сооружении одной из основных руководящих организаций должен быть Общественный Совет, который был сформирован для этого по результатам опроса общественно-го мнения;

— считаем необходимым немедленно утвердить Общественный Совет в качестве распорядителя счета № 700454 Жилсоцбанка СССР.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ?

Зачем учреждать все это за две недели до создания Всесоюзного общества? Собирались бы, выбрали делегатов, и дело с концом...

А уж после Всесоюзной конференции, принятия ею Устава... Однако конец декабря и первая половина января были для нас тревожными: конкурс, объявленный Министерством культуры, «шатания» части учредителей, маневры вокруг счета № 700454, антимемориальское молчание в прессе — все вызывало тревогу, рождало сомнение, а удастся ли провести Всесоюзную конференцию в установленный (уже отодвинутый однажды!) срок. Создать Московское отделение и закрепить хотя бы эту позицию — таково было общее настроение. И вот 14 января 1989 года в Доме художника состоялась Учредительная конференция Московского отделения общества «Мемориал».

Учредиться (т. е. принять Устав и сформировать руководящие органы отделения) и выбрать делегатов на Всесоюзную конференцию предстояло всего за 5 часов. Здесь требовался совсем иной стиль, чем на Подготовительной конференции с ее взрывами эмоций, излияниями душ, идейными спорами.

Удалось достичь компромисса внутри Оргкомитета и согласовать позиции с большинством существующих в Москве групп по Уставу отделения, о нормах представительства на Всесоюзную конференцию, об избрании временного правления, о составе учредителей. Тем самым наиболее острые вопросы, которые могли бы взорвать и сорвать

конференцию, были смягчены заранее.

В основу Устава отделения положен всеобщий проект, куда внесены минимальные, но важные поправки: среди учредителей названа инициативная группа граждан (делегаты, избранные от Москвы на Всесоюзную учредительную конференцию Общества), установлен индивидуальный характер членства и ограничены возможные причины исключения (снято положение о «нанесении ущерба авторитету Общества»), внесен пункт о структуре отделения; представители организаций — учредителей избираются в состав правления конференцией, а не делегируются.

Были избраны временное правление в составе членов Оргкомитета от Движения во главе с Ю. Н. Афанасьевым как председателем и ревизионная комиссия. Приняты резолюции по острым текущим проблемам.

Конференция прошла спокойно. Дело тут не только в сжатых сроках, в «срезиссированности» конференции, в том, что заседание велось в жестком стиле, пресекающем всплески эмоций. Был еще один важный момент, который может сыграть существенную роль в будущем. В зале преобладали люди, сравнительно недавно включившиеся в Движение, для которых сам факт создания общества «Мемориал» важнее тонкостей в формулировках о целях или деталей организации. Между тем от некоторых этих «деталей» зависит, будет ли «Мемориал» действительно независимой общественной организацией.

П. К.

Выдвижение академика А. Д. САХАРОВА кандидатом в народные депутаты СССР

22 января 1989 года в Московском Доме кино состоялось собрание избирателей, на котором в качестве кандидата в народные депутаты СССР от Национально-территориального избирательного округа № 1 РСФСР (город Москва) был выдвинут и единогласно утвержден почетный председатель Общественного Совета «Мемориала» академик Андрей Дмитриевич Сахаров. Собрание было организовано инициативной избирательной группой общества «Мемориал».

К результатам голосования (за А. Д. Сахарова подано 947 голосов, против — ни одного, воздержавшихся нет) присоединились несколько тысяч москвичей, собравшихся возле Дома кино, но не попавших в зал: подписные листы, переданные ими в президиум, собрание постановило считать действительными.

В соответствии с Законом о выборах в собрании приняли участие представитель Моссовета Н. А. Шалапин и член окружной избирательной комиссии С. А. Авакьян.

Ниже публикуется предвыборная программа, оглашенная А. Д. Сахаровым на собрании избирателей 22 января.

* * *

Моя общественная деятельность началась более 30 лет назад. Мне удалось принять участие в заключении Московского Договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах. Взгляды, отраженные в моей программе, формировались на протяжении многих лет и открыто публиковались начиная с 1968 года. Эти выступления, в то время противоречащие официальной позиции, вызвали в 70-е и 80-е годы преследования моих близких и меня.

Цель программы: углубление и расширение перестройки, демократизация, плюрализм, правовое государство, социальная и национальная справедливость, эффективная и экологически безопасная экономика, мир и прогресс. Нельзя допустить, чтобы нерешительность и противоречивость в проведении политической, экономической и национальной конституционной перестройки привели страну к углублению кризиса.

1. ЭФФЕКТИВНАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКИ БЕЗОПАСНАЯ ЭКОНОМИКА

Ликвидация административно-командной системы и замена ее плюралистической с рыночными регуляторами и конкуренцией. Ликвидация всевластия министерств и ведомств. Расширение самостоятельности государственных предприятий. Свободный рынок рабочей силы, средств производства, сырья и полуфабрикатов. Развитие арендного, кооперативного, акционерного производства.

Необходимо немедленно (до посевной 1989 года) ликвидировать нерентабельные колхозы и совхозы и передать в аренду землю, хозяйственные постройки и технику на льготных условиях.

Мы обязаны накормить страну!

Также в аренду или в акционерное владение передать нерентабельные промышленные предприятия. Разукрупнить крупные предприятия с целью стимулировать конкуренцию и не допустить монопольного ценообразования. Независимая комплексная экологическая и экономическая экспертиза крупных проектов и планов развития народного хозяйства в целом. Отказ от экстенсивного развития народного хозяйства — от роста объема добычи полезных ископаемых, количественного роста промышленного производства без качественной перестройки. Резкое сокращение капитального строительства в промышленности. Немедленное прекращение финансирования Министерства водного хозяйства и его ликвидация или перевод на полный хозрасчет.

Ядерная энергетика необходима человечеству, но она должна быть безопасна (в том числе необходимо учитывать сейсмическую опасность, опасность террористических актов, возможность разрушения в войне с применением обычного оружия). Должно быть полностью запрещено строительство атомных электро- и тепловых станций с расположением ядерных реакторов на поверхности Земли. Строительство с подземным расположением с исключением возможности попадания при аварии радиоактивных

продуктов в почвенные воды. Закрытие экологически вредных производств. Легализация и поддержка общественных движений, борющихся за охрану окружающей среды. Публикация всех данных об экологической обстановке во всех регионах страны. Прекращение экологически опасного гидротехнического и иного строительства.

2. СОЦИАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Доходы каждого — по результатам его труда. Снятие всех ограничений на личные доходы; единственный регулятор — прогрессивный налог. Отмена всех привилегий, не связанных со служебной необходимостью. Открытость данных об окладах. Обязательная регулярная (не реже раза в год) публикация финансовых отчетов всех общественных фондов, включая оклады сотрудников, представительские расходы, поездки. Максимальное сокращение штатов во всех общественных организациях. Ввести реалистический курс рубля и в дальнейшем перейти к его конвертируемости.

Защита прав личности. Открытость общества. Свобода убеждений. Свобода выбора страны проживания и места проживания внутри страны. Свобода ассоциаций, митингов и демонстраций. Контроль общества за принятием важнейших решений.

Пересмотр Закона о выборах и принятых в 1988 году поправок к Конституции. Прямые выборы депутатов Верховного Совета и его Председателя. Демократическая система выдвижения кандидатов и их регистрации без контроля аппарата и отсева кандидатов. Один человек — один голос. Обязательное условие проведения выборов — наличие не менее двух кандидатов на одно место.

Возвращение к ленинской концепции СССР как союза равноправных государств. Не должно быть никакого ущемления малых наций большими. Компактные национальные области должны иметь право союзных республик. Отсутствие внешней границы не должно быть причиной ущемления их прав. Феде-

ративная система на основе Союзного Договора. Поддержка принципов, лежащих в основе программы народных фронтов прибалтийских республик. Республиканский и региональный хозрасчет.

Добиваться принятия Закона о печати, обеспечивающего свободу от идеологического контроля и любых ограничений, кроме пропаганды войны и насилия, национальной розни, порнографии и раскрытия государственных тайн. Но тайн в открытом обществе должно становиться все меньше и меньше. Разрешить частную и кооперативную деятельность в области распространения информации при тех же ограничениях.

Постепенная отмена паспортной системы. Изменение пенсий и других постоянных выплат в соответствии с инфляционным коэффициентом, отнесенным к 60-м годам. До всестороннего изучения последствий не повышать цены на продукты питания и предметы первой необходимости. Улучшение жилищных условий за счет ликвидации бесчисленных контор и помещений, используемых под служебные нужды, и поощрение всех форм жилищного строительства. Увеличение ассигнований на образование и медицинскую помощь. Изменение законодательства и социальной структуры с целью облегчения положения работающих женщин-матерей и денежного поощрения женщин, посвящающих себя воспитанию детей дошкольного возраста.

3. ИСКОРЕНЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ СТАЛИНИЗМА ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Раскрыть архивы НКВД—МГБ, обнаружить данные о преступлениях сталинизма и всех неоправданных репрессиях. Учредить комиссии Верховного Совета по контролю за действиями МВД, КГБ, Министерства обороны. Возможность обжаловать в суде решения и действия не только отдельных должностных лиц, но и государственных и партийных органов.

Суд присяжных. Допуск адвоката с начала следствия. Отмена приговора суда при наличии процессуальных нарушений или вы-

явления незаконных методов следствия и обязательная судебная ответственность за них.

Отмена смертной казни.

Гуманизация мест заключения. Освобождение и реабилитация узников совести, включая членов комитетов «Карабах» и «Круник».

4. ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

Значительно повысить роль вузовской науки. Расширить международные контакты советских ученых за счет ранее мало включенных в этот процесс молодых и провинциальных ученых. Шире практиковать финансирование и материальное снабжение научных работ по проектам, выдвигаемым инициативными группами. Повысить роль Академии наук в фундаментальных исследованиях и ее ответственность за экологическую и экономическую экспертизу.

5. ПОДДЕРЖКА ПОЛИТИКИ РАЗОРУЖЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Публикация данных о действиях и политике СССР в региональных конфликтах (включая Афганистан и Ближний Восток).

Сокращение срока службы в армии (ориентировочно вдвое) и ее численности (но при этом значительно меньшее сокращение офицерского состава с перспективой постепенного перехода к профессиональной армии), пропорциональное сокращение всех видов вооружений.

Запрещение химического и бактериологического оружия. Наличие ядерного оружия — лишь для предупреждения ядерного же нападения противника. Переход на полностью оборонную стратегическую доктрину.

6. КОНВЕРГЕНЦИЯ

Сближение социалистической и капиталистической систем, сопровождающееся встречными плюралистическими процессами в экономике, социальной сфере, культуре и идеологии, — единственный путь радикального устранения опасности гибели человечества в результате термоядерной или экологической катастрофы.

ДЕТСКИЕ КАРТИНКИ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)
дожник разместил конвойных и часовых, стояли у подножья огромных караульных вышек. И на вышках ходили солдаты, блестя винтовочные стволы.

Тетрадка была невелика, но мальчик успел нарисовать в ней все времена года своего родного города.

Яркая земля, однотонно зеленая, как на картинах раннего Матисса, и синее-синее небо, свежее, чистое и ясное. Закаты и восходы были добротно альпийскими, это не было детским неумением найти полутон, цветные переходы, раскрыть секреты светотени. Это не было и художеством по рецепту Гогена, учившего рисовать все то, что производит впечатление зеленого, — самой лучшей краской.

Сочетания красок в школьной тетрадке были правдивым изображением неба Дальнего Севера, краски которого необычайно чисты и ясны и не имеют полутон.

Я вспомнил старую северную легенду о божестве, который был еще ребенком, когда создавал Тайгу. Красок было немного, краски были по-ребячьи чисты, рисунки простые и ясны, сюжеты их немудреные.

После, когда бог вырос, стал

взрослым, он научился вырезать причудливые узоры-листы, выдумал множество разноцветных птиц. Детский мир надоел богу, и он закидал снегом таежное свое творенье и ушел на юг навсегда. Так говорила легенда.

И в зимних рисунках ребенок не отошел от истины. Зеленая исчезла. Деревья были черными и голыми. Это были даурские лиственницы, а не сосны и елки моего детства.

Шла северная охота: зубастая немецкая овчарка натягивала поводок, который держал в руке Иван-царевич. Иван-царевич был в шапке-ушанке военного образца, в белом овчинном полушубке, в валенках и в глубоких рукавицах, «крагах», как их называют на Дальнем Севере. За плечами Ивана-царевича висел автомат. Голые треугольные деревья были натканы в снег.

Ребенок ничего не увидел, ничего не запомнил, кроме желтых домов, колочей проволоки, вышек, конвоиров с автоматами и синего-синего неба.

Товарищ мой заглянул в тетрадку и пощупал листы.

Газету бы лучше искал на кусте. — Он вырвал тетрадку из моих рук, скомкал и бросил в мусорную кучу. Тетрадка стала покрываться инеем.

(Окончание. Начало на 6-й стр.)
пример, Д. Юрасовым (Москва) В. Ростальным (Чернигов), Ф. Перченком (Ленинград), Д. Кушнером (Куйбышев) и др. — за годы их личных размышлений, то в распоряжении «Мемориала» есть данные более чем о 200 тысячах жертв террора.

Цифры такого порядка обязывают уже сейчас в высшей степени внимательно отнестись к методической стороне исторической работы «Мемориала». Отладка методик сбора и обработки информации, установление единых образцов или, по крайней мере, взаимосовместимых форм ее представления засвидетельствуют дееспособность НИЦа лучше, чем формальное структурирование его функциональных подразделений.

Координация собирательской и методической деятельности в региональных отделениях — одна из первоочередных задач формирующегося НИЦа. Поэтому московская историческая группа и Ученый Совет НИЦа просят сообщить о деятельности региональных исторических групп. Нас интересуют:

- методика сбора документов, формы их учета и описания, преобладающие типы материалов, количество собранных документов;
- формы работы с письмами,

ОТ МОСКОВСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «МЕМОРИАЛА»

- количество поступающих писем;
- методика проведения устных опросов, количество опрошенных, образцы вопросников;
- библиографическая работа: предмет библиографирования, хронологические рамки, перечни обработанных изданий;
- роспись источников: предмет и глубина росписи: методика росписи, форма представления;
- картотеки: тематика, структура, объем, методика ведения;
- обработка информации на ЭВМ: используемая техника, программы, формы рабочих листов и т. п.;
- методическая работа: разработка инструкций, методических и справочных пособий, других вспомогательных материалов, проведение семинаров;
- научная работа: темы ведущихся исследований;
- издательская деятельность;
- выставочная работа;
- лекционная работа: тематика и интенсивность лекций.

Кроме общих отчетов о своей деятельности просим высылать нам образцы карточек, учетных документов, методических пособий, выработанных или ис-

пользуемых вашей группой.

Историческая группа московского отделения общества «Мемориал» берет на себя сведение и размножение присланной информации, а также распространение ее в региональных группах в качестве материалов для обсуждения.

Н. О., А. Р.

Общество «Мемориал» ведет сбор, обработку и подготовку к публикации рукописных материалов и документов. Мы просим сообщать нам сведения о судьбах репрессированных и их семей. Нас интересуют воспоминания, дневники, переписка, автобиографии, документы, фотографии; протоколы собраний, тексты речей и выступлений; рукописи и корректуры не вышедших и урезанных произведений, и т. п. Для нашей работы важны газеты и журналы, справочники, материалы партийных съездов и конференций, книги, «вычищенные» из государственных библиотек, а также вещественные реликвии эпохи.

Адрес Оргкомитета общества «Мемориал»: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 2; тел. 151-92-86.

*4 октября 2016 года Минюст РФ внес Международный Мемориал
в реестр «некоммерческих организаций, выполняющих функцию
иностранного агента». Мы обжалуем это решение в суде.*

Библиотека Международного Мемориала